

Онъ отвернулся къ стѣнѣ и оставался глухъ ко всѣмъ убѣжденіямъ и мольбамъ отца. Грустный, съ поникшей головой, возвратился банкиръ къ ожидавшемуся Бруно. Онъ передалъ ему сущность своего разговора съ сыномъ, и прибавилъ:

— Теперь г. Сальдингеръ, дѣлайте что хотите. Моему сыну все равно, какъ я извернусь въ этомъ трудномъ дѣлѣ, но для меня совсѣмъ не все равно платить, когда меня ничто къ этому не принуждаетъ. Заставьте меня платить! Можетъ быть, я еще окажусь сильнѣе васъ. — Да! еслибы это могло сдѣлать счастливымъ Джемса, я бы заплатилъ съ радостью, но теперь...

Онъ пожалъ плечами, и Бруно, убѣдившись въ бесполезности дальнѣйшихъ разговоровъ, откланялся.

Выходя отъ банкира, Бруно рѣшился немедленно передать дѣло прокурору. Но дома его ждала телеграмма изъ Лондона, содержаніе которой совершенно измѣнило все положеніе дѣла.

## XI.

Послѣ отсылки денегъ для Альфреда наступило тяжелое время. Чувство виновности лежало на немъ страшнымъ бременемъ и не давало ему успокоиться ни на минуту. «Чего я жду! чего не иду въ тюрьму!» повторялъ онъ себѣ ежеминутно. На другой день послѣ рѣшительнаго шага онъ написалъ письмо, въ которомъ самъ себя обвинилъ въ кражѣ денегъ; не изъ разсчета, но какъ-бы инстинктивно онъ ни однимъ словомъ не упомянулъ о настоящихъ мотивахъ своего поступка и о настоящемъ назначеніи денегъ, не упомянулъ даже имени Гермины или Бруно. Онъ писалъ, что проигралъ ихъ въ карты, прокутилъ ихъ и предлагалъ получателю письма объявить о немъ полиціи, арестовать его и предать суду. Онъ намѣренно изображалъ свой поступокъ самыми черными красками, какъ бы стараясь этимъ ослабить силу испытываемыхъ имъ угрызений совѣсти.

Когда письмо было написано, его била сильнѣйшая лихорадка, но онъ этого не чувствовалъ. Сначала онъ не давалъ себѣ отчета, кому или для чего онъ пишетъ, и теперь задумался, на чье имя послать письмо. Также безотчетно, какъ онъ писалъ письмо, онъ на конвертѣ надписалъ адресъ Фойта Ульменгольца. Когда письмо было опущено въ ящикъ, Альфредъ громко расхохотался. «Теперь я настоящій каторжникъ, — сказалъ онъ себѣ, — вполне свободный человекъ, свободный отъ всякихъ дѣлъ и занятій. Теперь я могу сдѣлать визитъ Эльбингъ»...